PG3476
.A67
K65
1926

ЦЕНА 15

АРХАНГЕЛЬСКИЙ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПИНКЕРТОН

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

№ БЕГЕМОТ 20

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010306992

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ (АРХИП)

PG3476
.A67
K65
1926

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПИНКЕРТОН

KOMMUNISTICHESKII PINKERTON

ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА
„БЕГЕМОТА“
Изд-во „Красная Газета“
Ленинград — 1926

ТИПОГРАФИЯ
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"
имени Володарского,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит № 19559. Тираж 20.000 экз.
Заказ № 5376.

КОМПИНКЕРТОН

Я имел случай... выступить с предложением коммунистического Пинкертона, я и сейчас стою на той же точке зрения.
Н. Бухарин.

— А, действительно, — подумал товарищ Октябрев, старый партийный работник,—хорошо бы описать свою жизнь. Сколько приключений! Как много захватывающих моментов! Подполье, ссылка, побег, революция, гражданская война. Есть что порассказать молодым коммунистам. Да жаль — нет времени!

Октябрев посмотрел в записную книжку, где в отделе „для памяти" под сегодняшним числом было записано: „Междуведомственное совещание, комиссия по организации Дома отдыха, ячейка, доклад на заводе, лекция в партшколе, статья в газету..."

— Когда уж писать! — вздохнул он и заторопился на междуведомственное совещание...

— Эврика! — воскликнул литератор Чегоизволин, прочтя о коммунистическом Пинкертоне.—

Есть такое дело! Тут пахнет не одним десятком червяков. Пока „они“ раскачаются, я им таких Пинкертонов наделаю, что пальчики оближешь!

Он присел к столу, вытащил бумагу, схватил перо и принялся строчить:

ТАИНСТВЕННОЕ ПОДПОЛЬЕ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ КОММУНИСТА.

Рожан в 35 главах.

Глава первая.

Священная клятва.

Черная, как самодержавное правительство, ночь висела над Петербургом, когда в одном из рабочих кварталов старый партийный работник Ортодокс Большевиков спустился в подвал, где его ждали старые партийные работники со стажем с 1889 года.

— Товарищи! — вскричал входя Ортодокс.— Наступил великий час! Поклянемся Марксом и Энгельсом, что завтра же свергнем власть буржуазии!!

Клянемся! — вскричали старые партийные работники, потрясая оружием.

За окнами завывала метель. Метались тени сыщиков, полицейских и жандармов. Внезапно раздался залп. Ортодокс бросил бомбу и, воспользовавшись суматохой, выскочил в окно.

Глава 15-я.

Неразделенная любовь.

Преследуемый сыщиками, жандармами и полицейскими, Ортодокс вскочил в парадное особняка на Галерной гавани и быстро взобрался на чердак. Но только он переступил порог, как чьи-то руки схватили его за шею и женский голос сказал:

— Не бойтесь, товарищ, это я — товарищ Анна, старая партийная работница с 1890 года.

— Это ты?! — вскричал Ортодокс, — ты тоже спасаешься от шпиков и наглого произвола жандармов? Так вот что я скажу тебе. Я люблю тебя! Будь моей гражданской женой, согласно нашей старой партийной программе!

— Нет! — твердо ответила Анна. — Разве можно говорить о любви, когда не свергнут существующий строй? Я буду твоей только тогда, когда ты организуешь социальную революцию.

— Да? — вскричал Ортодокс. — Хорошо! — И прыгнул в слуховое окно.

Глава 21-я.

В когтях зверя.

— Ага, попались! — вскричал поручик Белогвардейкин, втаскивая связанных по рукам и ногам Анну и Ортодокса.

— Готовьтесь, красные собаки, к смерти!

Поручик был пьян. Он высморкался в трехцветное знамя и запел „Боже, царя храни", заряжая браунинг.

— Анна! — прошептал Ортодокс, — скорее перегрызи веревки, связывающие мне руки.

Едва поручик прицелился и стал нажимать курок, как ловким ударом Ортодокс выбил у него оружие и повалил его на пол.

— Спасайся! — крикнул он Анне, прыгая в окно.

Глава 35-я

Женщина — не зверь кровожадный.

— Итак, — улыбаясь, сказал Ортодокс, — ты — моя жена!

— Твоя до гроба, — прошептала Анна, стыдливо опуская глаза.

Они сидели в уютной комнате, полученной по ордеру жилотдела. В камине уютно потрескивали дрова, полученные из райтопа, уютно горело электричество.

— Как хорошо! — сказал мечтательно Ортодокс. — Говорят, что женщина — зверь кровожадный. Как это неверно!

— Ну, конечно, милый! — ответила Анна. — Какой же я зверь? Я — твоя маленькая женка!

Ортодокс обнял Анну, и их губы слились в горячем старом партийном поцелуе.

Через месяц в книгоиздательстве „Лови момент“ вышла новинка: „Таинственное подполье“, сочинение Чегоизволина.

Книжонка попала в руки товарища Октябрева. Он прочел ее и, швырнув, с досадой сказал:

— Чорт знает, что такое! И этой макулатурой пичкают рабочих! Почему не пишут наши партийные товарищи? Не понимаю!

НЕ КУРИ!

Я кашлял, худел. По всей вероятности, у меня начинался процесс. Нужно было принимать меры. Умирать раньше времени я не собирался Хотя, откровенно говоря, точная дата моей смерти мне не была известна. В таком положении меня встретил Илья Семенович Шнейдер, мой приятель и первоклассный гармонист.

— Дорогой мой! — сурово сказал он. — Все это — от куренья. Посмотрите на себя в зеркало. У вас, извините, рожа — кости да кожа. Конечно, я не собираюсь читать вам лекцию о вреде табака, но, как честный гражданин города Ростова-на-Дону, говорю: бросьте курить! Я тоже курил, да так, что вам и не снилось. Я сосал папиросы, как младенец сосет мамашину грудь. Докурился до тэ-бэ-цэ, начал харкать кровью, а теперь, посмотрите, потрогайте...

Он похлопал себя по упитанной груди, продемонстрировал опухоль бицепсов, сжимая руки в локтях.

— Здоров, крепок, самочувствие прекрасное. И все потому, что я бросил курить.

— Вы правы! — согласился я, выслушав Илью Семеновича. — Глупо вгонять себя в чахотку. Я бросаю курить. С сегодняшнего дня! С этого часа!

В доказательство моего непреклонного решения я вытащил из кармана папиросы, поломал коробку, швырнул на пол и растоптал ногами.

Илья Семенович протянул мне руку и торжественно сказал:

— Правильно! Руку, товарищ!

— Но, проклятая интеллигентская расхлябанность! Через полчаса после ухода Ильи Семеновича я поднял с пола истоптанные папиросы, собрал табак и, свернув огромную кручёнку, закурил. Я выкурил всю папиросу до конца, обжигая губы. Утолив жажду, я сразу обмяк и начал терзаться угрызениями совести.

— Неужели я настолько безволен, что не могу бросить курить? Какими глазами я посмотрю в честные глаза Ильи Семеновича? Зачем я гублю свое здоровье, обрекая себя на преждевременную смерть?

В состоянии величайшего душевного потрясения я отправился к моему другу Мише Реутскому.

— Миша! — мрачно изрек я, избегая его взгляда. — Я — подлец!

— Опять? — просто сказал Миша. — Не падай духом. Вывернешься!

— Что опять? — удивился я. — Как вывернусь?

— Опять обманутая женщина? — спросил Миша.

— Нет, Миша, — скорбно сказал я. — Хуже. Я бросил курить. Я дал слово и нарушил его через полчаса. Я — подлец. Умоляю тебя, посоветуй, что нужно сделать, чтобы действительно бросить курить!

— Пиво! — не задумываясь, отрезал Миша. — Пей пиво! Во-первых, оно полезно для худых, во-вторых, утоляет жажду и, в-третьих, вообще приятно пить пиво в жаркую погоду.

Мы отправились в пивную.

— Пиво и только пиво, — поучал меня Миша за кружкой пенистого трехгорного. — Я знал одного товарища, который бросил курить именно потому, что я посоветовал ему пиво.

Миша закурил и, пуская дым мне в лицо, важно философствовал о ценных свойствах пива. Заплетающимся языком я жалобно попросил у него папиросу.

— Ни под каким видом! — решительно заявил Миша. — Если тебе захотелось курить, еще пей пиво. Товарищ человек! Две кружки!

В течение недели мы кочевали с Мишей из одной пивной в другую. Я поглотил неимоверное количество этой противной желтой жид-

кости. Но каждая выпитая кружка еще больше разжигала во мне желание выкурить хоть полпапироски. Был момент, когда я хотел послать к чорту Мишу и пиво и, схватив пачку папирос с лотка моссельпромщицы, выкурить подряд целый десяток. И в этот опасный момент так-называемая судьба столкнула меня с Игнашей Гедройцем, вегетарианцем и принципиальным противником никотина.

— Леденцы! — сказал он, выслушав мои жалобы. — Сосите леденцы, а еще лучше — мятные лепешки. Вас потом стошнит при виде папиросы. Я курил восемь лет, да как курил! И бросил только благодаря леденцам и мятным лепешкам.

Мы оставили Мишу в пивной и вышли на улицу. Я боялся, что Игнаша покинет меня и я поддамся соблазну. Но Игнаша подвел меня к моссельпромщице и приказал закупить все коробки с леденцами и мятными лепешками.

— Сосите! — приказал он голосом гипнотизирующего. — Как только вам захочется курить, сосите леденец или мятную лепешку. Уверяю вас, через три-четыре дня вы прибавитесь в весе на пять фунтов. Всего хорошего!

И я принялся сосать эти отвратительные леденцы и глотать лепешки. Жутко припомнить, сколько поглотил я в те дни леденцов и лепешек! Я расстроил себе желудок, меня тошнило от сладости леденцов и прохлады лепешек.

К концу третьего дня я не выдержал. Остаток леденцов я вышвырнул за окно, а мятные лепешки высыпал в урну для окурков. Я решительными шагами направился к табачному ларьку и нос к носу столкнулся с моим незабвенным приятелем Сашей Кирстом — комиком на сцене и трагиком в семейной жизни.

— Саша! — вскричал я, хватаясь за него, как за последнюю соломинку. — Саша! Я дал слово бросить курить и нарушил его! Я пробовал по совету друзей вышибить из себя страсть к куренью пивом, леденцами и мятными лепешками! Я не могу видеть ни пива, ни леденцов, ни мятных лепешек! Сейчас я иду покупать папиросы! Скажи, есть ли какое-нибудь радикальное средство против курения?

Саша посмотрел на меня и, ни слова не говоря, подвел к табачному киоску.

Три пачки папирос! — скомандовал он продавцу. — Три пачки по двадцать четыре копейки! Пожалуйста, не думай, что я шучу, — сказал он, заметив мое недоумение.—Средство от куренья — в твоих руках. Иди домой, закуривай и кури подряд папиросу за папиросой до тех пор, пока не поедешь в Ригу. Обязательно в Ригу! Проделай это и — фертиг, конец. Ты бро-сишь курить! Понял?

Я последовал совету. Я пришел домой, лег на кровать и принялся курить папиросу за папиросой. Но... проклятая интеллигентская

дряблость! — Дальше четвертой папиросы дело не пошло. Рецепт Саши я не мог выполнить до конца. Третий месяц я хочу поехать в Ригу и не доезжаю. Проклятая интеллигентская расхлябанность!

Осталась последняя надежда на последнее средство. По совету Пети Момота — инструктора ликбеза — я написал и развесил на стенах моей комнаты плакаты: „Не кури!“, „Не кури!“, „Не кури!“.

Это, по словам Пети, — метод психологического воздействия.

И вот я лежу на кровати, сосу леденцы, курю, лакаю пиво и соловеющими глазами смотрю на плакаты „Не кури!“.

Ясно. Хотя точная дата моей смерти мне неизвестна, но от курения, пива, мятных лепешек и плакатов я умру раньше назначенного срока.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Журналист Халтуркин строчил очередную статью о режиме экономии, когда в комнату вошла жена и, комкая в руках кружевной платочек, сказала:

— Извини, что я отрываю тебя от работы, но мне необходимо сказать тебе, что я... я... ухожу от тебя. Я полюбила другого человека и не хочу обманывать...

Халтуркин секунду неподвижно посмотрел на жену, затем вскочил, вцепился ей в руку и закричал:

— Кто он?! Говоррри!!! Я застрррелю его!!!

Он дернул жену к себе, оттолкнул, схватился за голову и, сделав по комнате два круга, снова заревел:

— Говоррри!! Что же ты молчишь?! Я убью тебя!!

— Не все ли тебе равно, кто он? — сказала жена. — Я ухожу к Наплывкину.

— Ха-ха-ха-ха!—язвительно расхохотался Халтуркин. — К Наплывкину? К этой бритой обезьяне? К этой бездарности? Не ожидал. Поздравляю!

— Пожалуйста не суди по себе, — обидчиво сказала жена. — Он очень хороший человек и талантливый писатель.

— Наплывкин талантлив? Ха-ха-ха! — снова расхохотался Халтуркин. — Да ведь он совершеннейшая бездарь! Халтурщик! Бумагомаратель! Графоман! Впрочем, мне в высокой степени наплевать и на тебя, и на Наплывкина. Пожалуйста! Скатертью дорога! Баба с воза — кобыле легче. Стой!!! — завопил он, увидя, что жена хочет идти. — Так ты серьезно уходишь?

— Совершенно серьезно.

— К Наплывкину?

— Да. К нему.

— Хорррошо! — прохрипел Халтуркин. — Хоррошо. Иди. Но, помни! Я тебе этого не прощу! Я застрелю тебя, как собаку!

Он мрачно плюхнулся за стол, сжал ладонями виски и уставился в чернильницу.

— Впрочем, — подумал он, — зачем я волнуюсь? Пусть уходит. В сущности говоря, мы давно стали чужими. Тянем семейную лямку по какой-то дурацкой инерции. Мешаем друг другу. Мне нравится Касторская, ей — Наплывкин. Зачем же обманывать друг друга?

— Извини меня, Аделаида, — сказал он, вставая и подходя к жене. — Ты права. Если тебе нравится Наплывкин, я ничего не могу поделать. Иди к нему. Желаю тебе счастья!

— Врешь! — подумала жена, — притворяешься.

Сейчас желаешь счастья, а потом убьешь! Какой ты глупый,— сказала она вслух, деланно смеясь и беря его за руку,— и ты поверил, что я ухожу от тебя к Наплывкину?

— То-есть, как поверил? — с тревогой спросил Халтуркин. — Ты же сейчас сама сказала...

— Я пошутила.

— То-есть, как пошутила! — крикнул Халтуркин, выдергивая руку. — Разве ты не уходишь?

— Ну, конечно, нет, — вздохнула жена. — Я просто хотела узнать, какое впечатление произведет на тебя моя шутка.

— Ты это серьезно? — грозно спросил Халтуркин.

— Ну, конечно, серьезно.

— И ты не уходишь?

— Ну, да. Неужели ты думаешь, что я променяю тебя на Наплывкина?

— А почему не променять?—сердито закричал Халтуркин. — Чем он плох? Хорошо зарабатывает, имеет две комнаты. Чего тебе еще нужно?

— Я тебя не понимаю, — обиделась жена. — Ты же грозил убить меня, если я уйду к Наплывкину.

— Грозил! Грозил!—с досадой крикнул Халтуркин.— Мало ли что, грозил. Нужно понимать психологию мужчины. Если я говорил глупости, то потому, что так полагается. Я же не убил тебя? Ну, что же ты стоишь? Иди! Я тебя не держу.

— Андрюша! — сказала жена со слезой в голосе. — Честное слово, я пошутила. Ты гонишь меня к нему, потому что я тебе надоела? Да? Хорошо. Я уйду. Но имей ввиду, что я отравлюсь!

— Чорт возьми! — подумал Халтуркин, с тревогой посматривая на жену, — а ведь она в самом деле может отравиться! Ну, перестань, перестань, — поспешно сказал он, — я пошутил.

— Ты правду говоришь? — спросила жена, вытирая платочком слезы.

— Ну, конечно.

— Честное слово?

— Честное слово!

— Послушай, Андрей, — спросила жена после паузы. — Если бы я ушла к Наплывкину, ты в самом деле убил бы меня?

— Очень ты мне нужна! — со злобой подумал Халтуркин, а вслух сказал: — Что за вопрос? Конечно. А ты, — в свою очередь спросил он, — если бы я прогнал тебя, ты действительно отравилась бы?

— Вот дурак! — мысленно возмутилась жена, — с какой стати! — а вслух сказала:

— Ну, конечно! Ведь я так люблю тебя, так люблю!

Она с ненавистью поцеловала его в макушку. Халтуркин скривился и принялся доканчивать статью о режиме экономии.

ГЕРОЙ

Разведывательный отряд молодых людей, залегши в кустах лозняка, с неослабным вниманием наблюдал за действием „противника".

Противник держался пассивно. Тучные мамаши, пряча в простыни расползающееся тесто своих тел, лежали на берегу, дыша как паровозы. Дочки, облаченные в полосатость купальных костюмов, лениво повизгивали и отмачивались в теплой, словно только-что вылитой из остывшего самовара речной воде.

Предводитель отряда Игнаша Кораблев, голый и коричневый, как Тарзан, облизывая сохнущие губы, созерцал чьи-то ноги с могучими икрами, способными вызвать зависть любого футболиста.

Вдруг в лагере противника произошло смятение. Дочки выскочили на берег и начали пискливо вопить в сторону разведки:

— Спасите! Помогите! Тонет!

Мамаши баритоном закричали:

— На помощь! На помощь!

Пружинным прыжком Игнаша вылетел из кустов. Еще прыжок — и он очутился в лагере противника.

Полосатая девица, цепляясь за Игнашу круглыми от испуга глазами, тыкала дрожащей рукой в сторону реки:

— Вон! Вон!

В воде, шагах в десяти от берега, барахталось, захлебывалось, фыркало искаженное ужасом лицо девицы.

Игнаша бросился в воду, быстрым движением настиг тонущую, схватил ее за волосы и поплыл к берегу. Он выволок спасенную на берег, где ее подхватили, стащили купальный костюм и принялись растирать мохнатым полотенцем.

Игнаша, гордый свершенным подвигом, скрестив на груди руки, стоял подле и смотрел на спасенную. Лицо у нее было зеленое, губы дрожали. Она медленно открыла глаза и плачущим голосом сказала:

— Дурак! Чуть волосы не оторвал!

Полосатая девица, взывавшая о спасении, подошла к Игнаше и сердито крикнула:

— Уходите отсюда! Чего вы здесь стоите?

— Уходите! Уходите! — закудахтали мамаши, запахиваясь в простыни.

Так я-ж ее спас! — обиженно сказал Игнаша.

— Спа-ас! — передразнила спасенная, — чуть волосы не оторвал! Разве так спасают!

Игнаша вернулся к своим.

— Вот, ребятки, какие дела! — сказал он, поглаживая себя по груди. — Спас девченку. Кабы не я, — каюк!

— Это что,— перебил его рыжий, веснусчатый парень, — вот я в прошлом году спас бабищу, пудов на восемь. Прыгнула она в воду, а там—яма. Я, не долго думая, за нею...

— А вот у меня еще интересней было! — подхватил высокий, загорелый парнишка. — Плыли мы в море. Вдруг лодка перекидывается, машинистка с нашего завода идет ко дну. Я — прыг за нею...

Все наперебой принялись рассказывать о спасении погибавших на водах. Игнаша оделся и обиженный ушел домой.

Дома оказались гости. Бухгалтер Василь Михайлович с сыном Петькой-комсомольцем.

— А я сейчас женщину спас,— сказал Игнаша, поздоровавшись. — Чуть не утопла. Лежим это мы в кустах, вдруг слышим...

— А чего ты в кустах лежал? — ехидно спросил Петька, — за бабами подсматривал?

Все засмеялись. Игнаша конфузливо умолк.

— Ох, парень! — укоризненно погрозил пальцем Василь Михайлович, — Петух!

Игнаша ушел на кухню. Мать возилась у плиты и сердито бормотала.

— Каждое воскресенье вот так. Людям отдых, а я, как каторжная. И чего их нелегкая носит!

— Мамаша, — сказал Игнаша, — я сейчас утопленницу спас на реке.

— Тебе только по речкам шляться! — закричала мать. — Ты бы лучше дров принес. Жрать все горазды, а работать — я одна!

Игнаша понуро пошел в свою комнату. Там он достал бумагу, карандаш, сел за стол и принялся писать:

„В газету „Красный Путь".

Уважающий редактор, прошу пропечатать в своей газете про случай под заглавием „Герой-спаситель".

Сегодня купалась в нашей реке компания женщин, одна не умела плыть и стала утопать. Но тут я бросился за ее спасением и, схвативши за волосы, вытащил на берег. Таким поступком я спас ее от верной смерти.

Прошу пропустить в своей газете.

Заметку писал Игнат Кораблев, 18-ти лет.

Игнат Кораблев".

Игнаша расписался, поставил точку, потом, подумав, добавил:

„Желательно с рисунком!"

НЕУДАЧНИК

В бесплодных потугах выдавить из себя что-либо похожее на веселый фельетон я сижу и, сжимая виски, мрачно смотрю на лежащий передо мною лист белой бумаги. Тем, — этих спасительных зерен, из которых вырастают рассказы, — нет ни одной. Голова моя чиста и пустынна, как бумага на столе. Тупое отчаянье постепенно обволакивает меня.

Приходит Байкин и, острожно усевшись на стул, говорит:

— Пишешь? Счастливый человек. А у меня ничего не выходит.

— А почему ты думаешь, что у меня выходит? — мрачно говорю я. — Вот к завтрашнему дню нужно написать вещь, а я сижу, как дурак, и хоть бы какая паршивенькая тема подвернулась. А вот у тебя, я знаю, тем — полные карманы.

— Так что-ж из того? — грустно говорит Байкин, — тем много, а толку мало. Что я ни

придумаю, оказывается, уже использовано другими.

Он извлекает из кармана записную книжку, перелистывает ее и, ткнув пальцем в нужную страницу, говорит:

— Вот темы, придуманные за неделю. Ну, и что же? Все они уже использованы. Вот, например, об украденном пальто. Хорошая тема. У одного человека украли пальто. Он идет на рынок покупать новое. Заходит в палатку торговца, выбирает и наталкивается на свое украденное пальто. Торговец, испугавшись, предлагает его взять бесплатно, но человек не берет, а решает действовать через суд. И вот проходит чуть ли не год, торговец все время обжалывает решения суда, пальто, как вещественное доказательство, находится при деле, человек, надеясь получить его, не покупает новое и всю зиму и осень ходит в пиджачке. Недурная тема. Рассказываю ее Селезневу-Ситцеву и что же, — оказывается, что он на эту тему пишет рассказ. Или вот эта тема, о демобилизованном красноармейце. Рассказываю Картакову, он заявляет, что эта тема им уже использована. Или вот еще тема...

Я смотрю на Байкина и говорю:

— Да ты зачем рассказываешь? Они-ж у тебя крадут темы!

— Что ты! Что ты! — машет руками Байкин. — Разве это можно! Это не по-товарищески. Кто же станет красть чужие темы!

— А ты вот попробуй, — советую я, — не говори, а пиши.

— Неудобно, — грустно отвечает Байкин, глядя на меня ясными глазами. — Ну, я напишу, а вдруг эта тема уже использована? Только даром время потрачу. Я поэтому и рассказываю, чтобы узнать, не пишет ли кто.

Он вздыхает и задумчиво рассматривает носок своего сапога.

— Есть у меня тема, — говорит он. — На заводе работает машинистка. Ежедневно ее вызывают из ГПУ. Все, конечно, думают, что она — агент ГПУ, и страшно ее боятся. Оказывается, что звонят ей не из ГПУ, а ее парень, который, для того, чтобы машинистку обязательно звали к телефону, говорит, что звонят из ГПУ. Хорошая тема? А?

— Да, да, — поддакиваю я, торопливо хватаясь за ручку и начиная писать, — тема не вредная, но ты, брат, опоздал. Я как-раз пишу об этом.

— Ну, вот видишь! — с отчаянием восклицает Байкин. — Вот видишь! А говоришь, что не нужно рассказывать.

Я торопливо пишу рассказ о машинистке, которую вызывают из ГПУ. Чувство стыда заглушается жалостью к этому наивному человеку. Мне хочется хоть как-нибудь утешить его. Я перестаю писать и, не глядя на Байкина, говорю:

— Вот тебе тема. Садись и пиши. Купаются в реке два человечка. Один стриженый, другой длинноволосый. Стриженый — ленинец. Начинает ругать длинноволосого попом, пауком, опиумом для народа и так далее. Кроет почем-зря. Оказывается, что длинноволосый—не поп, а секретарь ячейки ВКП.

— Тема хорошая, — выслушав, соглашается Байкин. — Но, к сожалению, она уже использована.

— Не может быть?

— Ну, да. У Чехова. Рассказ есть: „В бане".

— Да? В самом деле? Ну, вот, видишь! — говорю я, похлопывая Байкина по плечу. — Даже Чехов и тот использовывал темы, а ты ноешь. Нужно только не падать духом. Если тема есть, остальное—пустяки. Садись и пиши!

ЖЕРТВА КИНО

В пивной, этом царстве моченого гороха, воблы и душевных разговоров, в поисках места я, проплавав в табачном дыму, нашел, наконец, незанятый стул у столика, за которым сидела какая-то мрачная личность в зеленой клетчатой кепке и таком же шарфе.

В ответ на мое — „разрешите?“ личность протянула руку и представилась:

— Игнатий Крышкин — актер кино.

— Очень приятно! — сказал я, пожимая руку и присаживаясь. — У меня есть знакомые актеры драмы и даже оперетки, но с артистом кино знакомлюсь впервые. Очень лестно. В каких картинах снимались?

Крышкин ловким движением швырнул в рот горошину, отпил из бокала и сердито ответил:

— Пока ни в каких. Удивляетесь? Думаете, что я вас мистифицирую? Но, слово честного человека, я — актер кино и в этом моя трагедия.

Он облокотился о мокрый столик и сжал ладонями виски.

— Да-с. В этом моя трагедия. Скажите, только честно, у меня выразительные глаза?

Крышкин вытянул шею и уставился в меня мутными маленькими глазками. Я не хотел обидеть его и промямлил:

— Мм-да, глаза у вас тово...

— А лицо? Фотогеничное?

— На все сто процентов!

— Похож я на Рудольфо Валентино?

— Поразительное сходство!

— Совершенно верно, — сказал Крышкин. откидываясь на спинку стула. — Мне то же самое говорят все мои знакомые. Они мне уши прожужжали советами идти в кино-актеры. И я пошел.

На эстраде музыканты с равнодушием заводных кукол задвигали руками и заиграли фокстрот.

— Но, — помотал пальцем Крышкин,—у нас— не заграница. У нас хода талантам не дают. Затирают. У нас по кино-фабрикам своя бражка сидит, рука руку моет. Родственничков устраивают, а приди человек со стороны, да будь он красив, как Рудольфо Валентино, и умен, как Мэри Пикфорд, — не возьмут. Какого-нибудь сопливого родственничка возьмут, а мне откажут.

Он налил в бокал пива, залпом выпил его и закурил трубку.

— Я на своей шкуре все это испытал. Есть такой режиссеришко Анатолий Кадров, — бездарнейшая личность, на грош аммуниции, на рубль амбиции. Прихожу.

— Вы актер? — спрашивает.

— Нет.

— Почему же вы хотите играть в кино?

— Имею желание.

— Прыгать умеете?

— Умею.

Заставил он меня прыгать. Прыгаю.

— Нет, говорит, не подходит. У вас нет ловкости. Движения деревянные, а мне нужен человек для прыжка с четвертого этажа.

— Позвольте, говорю, я в московский трамвай на полном ходу вскакиваю, а вы говорите, что я прыгать не умею? Ну, хорошо, оставим трамвай в покое. Могу ездить на велосипеде, гребу, плаваю, хожу на руках.

— Нет, говорит, мне нужен только прыгун и именно с четвертого этажа.

— Что-ж, отвечаю, если так, желаю этому счастливцу прыгнуть вам на голову и свернуть шею. Ну-с, откланялся и пошел к другому режиссеру — Наливкину, готовившему драму „Ничего в волнах не видно". Заявляюсь. Предлагаю свои услуги.

— Извините, говорит, к сожалению, воспользоваться ими не могу.

— Почему?!

— У вас не фотогеничное лицо.

Говорит, а сам, подлец, хоть бы глазком на меня посмотрел. Взорвала меня такая наглость.

— Да вы, кричу, сначала посмотрите, а потом имейте нахальство утверждать — фотогеничное у меня лицо или нет! Мне все знакомые уши прожужжали, что с моим лицом только в кино идти!

— Может быть, говорит, не спорю. В кино не только актеры нужны, но и капельдинеры.

— Конечно, говорю, придется пойти в капельдинеры, раз в режиссерах сапожники орудуют.

Иду к третьему режиссеру — Диафрагмову. Парень молодой, горячий, душевный. Ухватился за меня руками и ногами.

— Мне, говорит, как-раз нужны люди, не отравленные подмостками, ни разу не игравшие. Я готовлю социальную фильму „Ярмарка блуда" — из жизни женщин, торгующих своим телом. Вам ролька будет. Приходите завтра на репетицию.

Крышкин отхлебнул из бокала, швырнул в рот горошину и продолжал:

— Ну-с, не хожу, а летаю. Окунулся в работу с головой. Днем репетирую и литературу о проституции изучаю, ночью хожу на Цветной бульвар, знакомлюсь с бытом этих женщин. И вдруг! — хлопнул он ладонью по столику, —

все к чорту! Забраковали сценарий! Оказался идеологически не то недодержанным, не то передержанным. Запил я с горя и начал по пивным шляться. И вот, сижу однажды, вот как теперь, заливаю тоску пивом. Подходит ко мне человечина в желтых крагах, пробуравливает меня глазами, как гипнотизер, и заявляет:

— Я — Мультипликаторов, кино - режиссер. Ставлю картину из эпохи гражданской войны: „Избушка на курьих ножках". Нужна натура. Не согласитесь ли?...

— Прыгать, спрашиваю, нужно?

— Нет. Картина строго идеологическая, без прыжков.

— Сценарий не забракуют?

— Сценарий прошел все стадии и утвержден всеми инстанциями. Работа срочная. Завтра на съемку.

Не пошел, а полетел. Действительно, все честь-честью. Юпитера пылают, режиссер рычит, как тигр, оператор накручивает. Ролька у меня оказалась небольшая, но интересная. Белогвардейский поручик насилует женщину. Играл я не за страх, а за совесть. На актрисе две кофточки разорвал и лицо до крови расцарапал. Мультипликаторов хвалил и даже заснял крупным планом. Ну-с...

Крышкин выколотил о столик из трубки пепел.

— В газетах — анонсы и широковещательные рекламы. Гвоздь сезона! Шедевр кинемато-

графии! Гордость нашего кино! По правде сказать, картина убогая, сработана на-спех, шаблонная. Белые все время отступают, красные все время наступают. Белогвардейцы похищают жену начальника партизанского отряда, но в ту минуту, когда я должен ее насиловать, появляется муж, спасает и так далее.

Ухлопали массу денег. Закончили. Первый просмотр. Гляжу — нет меня. Отступления белых есть, наступления красных тоже, а сцену изнасилования — как корова языком слизнула. Спрашиваю Мультипликаторова:

— Почему меня в картине нет?

— Вырезали. Тяжелые кадры. В идеологическом отношении сомнительные.

— Почему же сомнительные? Разве белогвардейцы не насиловали женщин?

— Убирайтесь вы ко всем чертям, — кричит Мультипликаторов,—я из тридцати тысяч метров вырезал двадцать девять тысяч, а вы лезете с дурацкими вопросами!

Терзался я страшно и успокоился только тогда, когда узнал, что и остальная тысяча метров не увидела света. Картину вообще не пустили в прокат.

Крышкин раздавил горошину и пальцем сковырнул ее на пол.

— Вот какие дела! На всех фронтах неудачи. Но я не падаю духом. Рано или поздно, а я своего добьюсь!

Пивная закрывалась. Мы вышли на улицу.

На углу в кино „Лунные чары“ электрическая спираль зазывала публику на драму „Штык и евангелие“. Крышкин ткнул пальцем по направлению спирали и злобно сказал:

— Халтура! Ни одного приличного актера. Я предлагал свои услуги, — отказали. У вас, говорят, лицо не католическое. А? Как вам это нравится? Что-ж, спрашиваю, для того, чтобы играть в „Еврейском счастьи“ мне обрезание нужно пройти? Жулики! Да. Вот какие дела! — вздохнул он. — Затирают! Хорошо бы удрать за границу, в Холливуд, что ли? Извиняюсь, у вас нет трех рублей? Я вам верну через два дня.

Переход к займу денег был так неожиданен, что я вытащил бумажку и дал Крышкину.

— Благодарю! — сказал он и крепко пожал мою руку. — Жаль, что вы не кино-режиссер. Вы бы дали мне возможность проявить себя на экране. Пока..

Он еще раз пожал мою руку, нахлобучил на глаза кепку и зашагал от меня в переулок.

ВЕРОЧКА

Марк Наумович, сверкающий лысиной генералиссимус рекламного дела, не глядя на Верочку, говорит:

— За истекшую неделю вы не выполнили ни одного моего задания. Я поручал вам Промтрест и Клейсиндикат. Звонил по телефону Арнольду Викторовичу и Сизову. Заручился принципиальным согласием. И все же объявлений от них вы не принесли. Если вы влюблены и не можете выполнять возлагаемые на вас поручения, заявите прямо. Я пошлю Розенберга.

— Марк Наумыч! — жалобно говорит Верочка. — Но что же я поделаю! Арнольд Викторович водит меня за нос третью неделю, а Сизов уехал в Дом отдыха.

— Хе! — презрительно усмехается Марк Наумович. — Что значит — водит за нос? А вы сделайте наоборот! Впрочем, точка! В последний раз я вам даю два задания. Вы пойдете в трест „Вина Андозии“ и в акционерное общество

„Красная вакса". Два объявления на две страницы. Точка.

— Но...

— Никаких но. Отправляйтесь!

Марк Наумыч утыкается в бумаги. Верочка с ненавистью смотрит на его лысину и, сдерживая желание плюнуть в нее, уходит.

* * *

Сделав веселое лицо, Верочка входит в кабинет управдела акционерного общества „Красная вакса".

За огромным письменным столом в большущем кожаном кресле на фоне громадной, во всю стену, карты СССР восседает маленький вихрастый, с птичьим клювом вместо носа человечек.

— В чем дело? — зловещим тенорком пищит он, поворачивая в сторону Верочки враждебный клюв.

— Я из конторы „Реклама — пропеллер торговли", — улыбаясь, говорит Верочка и, не ожидая приглашения, усаживается в кресло. — Марк Наумыч говорил...

— Извиняюсь, — сурово обрывает управдел, — сегодня я не могу.

— Я знаю, знаю, — торопливо соглашается Верочка. — Но я отниму у вас всего пять минут. Вакса — предмет широкого потребления. Большинство трудящихся чистит сапоги ваксой.

Но это большинство совершенно не знакомо с продукцией акционерного общества. Я прошу у вас всего на одну страницу. Пожалуйста!

Верочка умолкает и ласково смотрит в глаза управдела.

— И на осьмую не дам! — пищит он. — Извините, мне некогда. Зайдите во вторник на будущей неделе.

— Но я очень прошу вас! — говорит Верочка, гипнотизируя. — Мне крайне необходимо получить объявление сегодня!

Управдел откидывается на спинку кресла, прищуривается и, постукивая указательным пальцем по столу, кричит:

— Вы куда пришли? В собес? В богадельню? Я русским языком говорю вам, что я занят. Объявлений мы не даем. Понимаете? Не д-а-е-м!!

В визгливом тенорке управдела звучат басовые нотки. Верочка встает и теребит ремешок сумочки. Ясно, сегодня здесь объявления не получить.

— Извините, — говорит она, покраснев, — я думала...

* * *

Арнольд Викторович, коммерческий директор Клейсиндиката, встречает Верочку широкой, гостеприимной улыбкой.

— Ну-с, что новенького? — спрашивает он добрым баритоном. — Все бегаете, собираете, как пчела мед, проценты?

— Арнольд Викторович! — умоляюще говорит Верочка. — Когда же вы дадите объявление? Я хожу к вам третью неделю.

— Вы все о том же!—кривится Арнольд Викторович.—Ну, как вам не стыдно! Я сказал, что дам, и дам. Зачем же об этом все время говорить? Скажите лучше, как вам нравится эта вещичка?

Он показывает на стоящую на письменном столе бронзовую статуэтку — голую женщину с факелом в правой руке.

— Не правда ли, прекрасное тело? Какие линии! Какие благородные формы! Мне почему-то кажется, что и у вас...

Он обрывает и выразительно смотрит на Верочку.

— Арнольд Викторович, —тянет она, — дайте объявление!

— Послушайте, Верочка! — не обращая внимания на ее просьбу, говорит Арнольд Викторович, — скажите, зачем вы занимаетесь этим неприятным делом? Неужели вы с вашим лицом, фигурой, наконец, с вашими глазами не можете найти себе более подходящую работу? Ну, почему, например, вам не выйти замуж?

Верочке хочется заплакать, но она, пересиливая себя, шутливо говорит:

— Увы, нет женихов! Я умру старой девой!

— Какой вздор! — морщится Арнольд Викторович. — Женихов тысячи. Стоит вам только поманить пальчиком. Вот я, например, а?

Он смеется, сверкая золотом вставных зубов.

— Какой негодяй! — мысленно возмущается Верочка, какие гнусные вещи он говорит! Дать бы ему сейчас пощечину!

— Но ведь вы же женаты? — говорит она, стараясь шутливым тоном показать, что она не понимает и не хочет понимать Арнольда Викторовича.

— Кто из нас не женат! — щелкает пальцем тот. — Жена — это такая скучная материя! Это все равно, что основной оклад. Мало и не по карману. Нужна „нагрузка". Слушайте, плюньте вы на свою рекламу, давайте поедем сегодня в „Эрмитаж"! А? Ну, не хотите в „Эрмитаж", пойдем в оперу; ну, наконец, в кинематограф?

Верочка встает и, отступив на два шага к двери, сдерживая слезы, говорит:

— Как вам не стыдно! Вы пользуетесь своим служебным положением и делаете мне гнусные предложения?

Улыбка сползает с лица Арнольда Викторовича.

— Вы съума сошли? — говорит он с негодованием. — Я вам делаю гнусные предложения? Я с вами беседую, как с хорошей знакомой, — и только! Если вы не понимаете... Тогда я вынужден говорить с вами официальным тоном. Вам угодно получить объявление?

— Да, — шепчет Верочка.

— К сожалению, — голос Арнольда Викторовича звучит сухо, — объявлений мы не даем. Клейсиндикат не нуждается в рекламе!

— Но ведь вы же обещали? — изумляется Верочка. — Вы же сами...

— Вчера обещал, а сегодня категорически отказываю!

Схватив трубку телефона, он демонстративно громко кричит в нее:

— Алло! Станция? 4-93-99!

* * *

Выйдя из Клейсиндиката, Верочка вытирает слезы, припудривает нос и торопится в трест „Вина Андозии".

— Объявление? — не поднимая головы от бумаг, спрашивает секретарь правления, — обратитесь к управделу, я ничего не знаю.

Верочка идет к управделу, который отмахивается от нее, как от назойливой мухи, и кричит:

— Обратитесь к Минасу Карповичу! Я не в курсе этих дел!

Перед дверью с табличкой, на которой замысловатой вязью написано: „Минас Карпович Ерундиянц. Прием от 2 до 3-х". Верочка останавливается, вздыхает, наскоро пудрит нос и стучит в дверь.

Молчание.

Верочка стучит снова и, приложив ухо к двери, напряженно слушает.

Снова молчание.

Верочка дергает дверь, она оказывается запертой. И тогда Верочка замечает маленький клочок бумажки, прикрепленный к двери: „Всех, имеющих дела к товарищу Ерундиянцу, просят обращаться к товарищу Карпошвили, комната № 14".

Верочка идет в комнату № 14.

Товарищ Карпошвили, выслушав Верочку, разглаживает наманикюренным ногтем мизинца усики и говорит:

— К сожалению, без Минас Карповича я ничего не могу сделать. Приходите через три недели.

Верочка с ненавистью смотрит на его набриолиненные волосы, разделенные ровным пробором пополам.

— Может быть, вы можете, — говорит она, делая ударение на „вы", — мне Минас Карпович обещал...

— Ничего не знаю! — обрывает Карпошвили и утыкается в бумаги.

— Но, может быть, вы скажете...

Товарищ Карпошвили поднимает голову и смотрит на Верочку с таким негодующим изумлением, что она давится словами и поспешно выходит из комнаты.

* *
*

К пяти часам Верочка возвращается в „Рекламу — пропеллер торговли".

— Ну-с? — спрашивает Марк Наумович, наклонив голову на-бок, — принесли?

— Марк Наумыч! — плачущим голосом говорит Верочка. — Ерундиянц уехал и будет только к концу месяца, а Арнольд Викторович...

— Ну, что Арнольд Викторович? — нетерпеливо спрашивает Марк Наумович замолчавшую Верочку, — дал? Ну, что же вы молчите?

Верочке хочется сказать, что Арнольд Викторович—негодяй и она больше к нему не пойдет, но, глянув на лысину Марк Наумыча, она говорит:

— Он обещал дать на будущей неделе. Обязательно.

— А, может, на будущий год? — кричит Марк Наумыч. — Может быть, через пять лет? Знаете, если мы так будем работать, так это будет очень хорошо! Замечательно! Великолепно! Впрочем, — точка!

В последний раз я вам даю на завтрашний день одно задание. Вы идете в Грибтрест и берете на страницу. Чего вы плачете? Что это за кино-драма? Я же не посылаю Розенберга? Ну, вытрите пудрой слезы и завтра приступайте к делу! Ну? Точка!

2-80
008113
632

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

БЕГЕМОТ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

№ 1. **И. Ломакин.** Чукая шкура.
№ 2. **М. Зощенко.** Кризис.
№ 3. **Свэн.** Шахматн. турнир.
№ 4. **А. Григорович.** Скуки ради.
№ 5-6. **М. Зощенко.** Рассказы Назара Синебрюхова.
№ 7. **Ал. Григорович** и **Свэн.** Чудо на Сырых Болотах (сатирическая хроника).
№ 8. **К. Мазовский.** Кусок жизни.
№ 9. **С. Томский.** По народным судам.
№ 10. **Мих. Козырев.** Рассказы.
№ 11. **З. Гард.** Заметки судебного репортера.
№ 12. **Свэн.** Совет дервиша.
№ 13. **М. Зощенко.** Рассказы.
№ 14. **Гант. Романов.** Избранные рассказы.
№ 15. **В. Черний.** Даешь шпану!
№ 16. **В. Лебедев (Кумач).** Защитный цвет.
№ 17. **В. Тоболяков.** Помпа.
№ 18. **Вяч. Шишков.** Кольцо.
№ 19. **Б. Левин.** Рассказы
№ 20. **А. Архангельский.** Коммунистическ. Пинкертон.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

№ 21. **И. Свэн.** Сын Чичерина.
№ 22. **В. Ардов.** Тайна старого кооператива.

Цена отдельного выпуска **10** коп.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ВМЕСТЕ С ЖУРНАЛОМ

БЕГЕМОТ

На **1** мес. . . . . — р. **95** к. || На **6** мес. . . . **5** р. **35** к.
„ **3** „ . . . **2** „ **75** „ || „ **12** „ . . . **10** „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ — в Гл. Конторе „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ" — ФОНТАНКА, 57. В отделении Гл. Конторы — ПРОСПЕКТ 25 ОКТЯБРЯ, 68. В Конторе „СЕВПЕЧАТИ" — ПРОСПЕКТ 25 ОКТЯБРЯ, 1, и во всех почтовых конторах СССР.

6

Цена 10 к.